

Воробушек в свинарнике

[Маквала ГОНАШВИЛИ \(Грузия\)](#) - 30 апреля 2017

Body

«Встречу – не встречу, встречу – не встречу... «Не встречу-встречу» - по ступеньке считала она. Лестницу одолела без передышки. Эта привычка с детства её преследовала – чуть в чём усомнишься – начинаешь «игру в ромашку»; она считала лампионы на эскалаторе в метро, деревья, выстроившиеся по обочинам улиц – да всё, что ни попадалось на глаза: «да или нет, да или нет» - гадала, гадала, гадала...

Оглянулась – лестницы вели наверх, на чердак.

«Там она живёт. Наверняка там» - убеждённо сказала она про себя. Представила, как поднимался её муж по этой лесенке, как втискивался в эти узенькие дощатые двери. Сколько раз обдумывала она, как встретится с этой вертихвосткой, как посмотрит в глаза её бесстыжие и выпалит в лицо всё, без обиняков. Иногда даже воображала, что застучает мужа в её объятиях.

«Ну нет, одними словами тут не обойдётся... за все эти четыре года, что я варилась в котле одиночества, за то, что несла тяжкий крест ревности, словами ли пройму я эту тварь? За волосы её протащу, за волосы».

У дверей остановилась – что делать сейчас? Поразмыслила – и вдруг вся гордыня её и ярость рухнула, как карточный домик.

«Что делать? Постучаться или прямо войти? Как быть?». Решила повернуть назад. Некоторое время стояла, колеблясь.

«Нет, уходить негоже. Лучше разбитое, чем помятое, будь что будет, будь что будет!». Решено...

Без стеснения она взялась за ручку двери...

Маленькая, тёмная комната. Пробивающийся в узкое оконце луч еле держался во мгле. Женщина огляделась по сторонам.

Маленький стол. Трёхногая скамейка. Треснутое зеркало. В углу – одна-единственная тахта. На тахте лежит девушка.

«Спит», – подумала она. Не решилась и шагу ступить. Всмотрелась в её лицо. «Боже, какая же она некрасивая, какая худющая. И меня, меня он променял... На этого шелудивого котёнка?».

Казалось, такое открытие её обрадует, но на душе оставалась тяжесть. Она поглядела в

зеркало на своего двойника.

«Ещё достаточно молода...» - на сердце у неё защемило. «И чего это она нежится в самый полдень? А может, привычка у неё такая - днём спать, а ночью куражить голову моему мужу?».

- Воды! - проговорила девушка. Даже не проговорила - простонала...

«Воды ей подавай, а чаю с мышьяком не надо?» - злорадствовала женщина.

Простояла так с минуту, как аршин проглотила, оцепенев, окаменев, оробелая, с пересохшим ртом. Но под конец всё же приблизилась к её постели. Там же, на столе, лежал термометр. Ртутный столбик показывал сорок градусов.

На лице девушки лежала печать невероятного страдания...

«Она больна», - только лишь теперь осенило женщину.

А вот ведь достаточно лишь перелить ртуть в стакан...

И ни в жизнь не распутают - кто её отравил.

Подумают - покончила собой.

Женщина в растерянности держала термометр в руках и никак не могла принять решение.

- Воды! - вновь прошептала девушка и пошевелила пересохшими от жара губами.

Женщина протянула ей наполненный водой стакан.

- Мама! - попыталась улыбнуться девушка и накрыла ей ладонь своей ладонью.

Женщина отёрнула руку, как от змеиного укуса.

«Подари мне Бог ребёнка, пожалуй, были бы они ровесниками». Какие-то нежные чувства затеплились в её груди. А потом женщиной вновь овладела злоба.

«Будь моя дочь такую, своими руками её придушила б. Наверно, и матери своей сердце уязвила, и страдает молча, бедная. Есть на что гневаться, спуталась с мужчиной, что в отцы ей годится, это ли не оскорбление?».

- Нет! Нет! Не пойду я в свинарник. Не пойду, сказала! Боюсь! - девушка горестно заметалась. Потом присела, обвела комнату горящими воспалёнными глазами и принялась чудаковато насвистывать, будто бы птичка в клетке встрепенулась-зачирикала.

Женщина стояла, не зная, что делать.

«Уж не тронулась ли она умом?» - мелькнула мысль.

Потом женщина вышла из комнаты и стремглав сбежала по лестницам. Как она миновала Алевскую улицу, и не упомнить, сердце из груди готово было выскочить. Бросилась налево-направо в поисках телефонной будки.

«Человек она всё же, жалко ведь, не умирать же так, без призора, без помощи». Набрала номер и продиктовала диспетчеру «Скорой» адрес.

У стоянки такси на Площади Свободы собралось множество народа.

«Нет у меня сейчас сил трястись в автобусе, возьму такси», - подумала она.

«И что с этой барышней могло случится, какая хворь нашла, как у неё глаза пылали! Грехи покоя не дают!».

«Грехи? А ты без греха, что ли? Оставила девушку умирать», - проснулся в ней голос совести.

«Бросила? Её не бросать надо было, она лишь смерти от моей руки достойна», - оправдывалась женщина.

«Возлюби ближнего своего... как...».

Прозвучал голос добра.

«А меня кто возлюбил, чтобы я других возлюбила?».

«Кто меня пожалел, чтобы я других жалела? Кто мне доверился? Кто ко мне проявил милосердие?»

Горький комок подступил к горлу.

«Когда же пройдёт эта очередь?» - думала она в раздражении. «Лучше было в автобус втиснуться, уже третий пропустила, пока здесь с ноги на ногу переминаюсь». Она вышла из очереди, поначалу медленно свернула в сторону Алевской, потом ускорила шаг, а под конец почти уже бегом, с колотящимся сердцем, вновь в едином порыве взбежала по лестнице.

«А если она мертва? Обрадуешься?».

Она даже не отворила – чуть не выбила двери. «Как же так, столько времени нет «Скорой помощи»...

Девушка лежала, уткнувшись головой в подушку, и время от времени тихо постанывала. Оглянувшись по сторонам, женщина заметила в комнате единственный колченогий стул. Было ясно, что на нём усидеть невозможно. Другого выхода не было – она устроилась на тахте, в изножье у девушки.

«Боже, да на ней лица нет. Как бы и вправду не умерла. И во что тут влюбился мой муж? Без приворота явно не обошлось». На память пришло...

Марнеульский район, крохотная, с любовью ухоженная деревенька.

Женщина выходит из такси. Просит водителя подождать. Спрашивает – где живёт молла.

- Молла? Вон, в том двухэтажном доме, – показывают ей.

«Господи, прости, всё во мне кувыркком – и мысли, и вера!».

Отдышалась немного, осенила себя малым крестным знаменем.

Моллу звали Муса. Рот – полон золотых зубов. Чернявый. Пальцы правой руки безжизненно повисли. На одном – перстень с камнями гагата.

- Ну, уважаемая, говори без обиняков – что тебя беспокоит? – будто врач на приёме, спрашивает молла.

Женщина думала, что молла – вроде гадалки, сразу разгонится: - Ах ты, бедная-несчастливая, сколько мучений пережила, у мужа твоего любовница, такая-то. А тебя одиночество убивает. Сколько же слёз ты пролила, море бы переполнилось твоими слезами...

А он стоит, перебирает янтарные чётки и спокойно спрашивает – что меня беспокоит. Ну-ка, если ты и вправду такой волхв-вещун, сам догадайся, что меня заботит.

- Муж мне изменяет, – сквозь зубы процедила женщина.

- Фотографию принесла? – спросил молла. – Что ж, я помолюсь, и муж к тебе вернётся, – обнадѣжил он.

Фотографию положил на стол.

- Приворожили его, – сказал молла. – Твою фотографию зарыли в могиле какого-то покойника...

Женщину дрожь пробрала с головы до пят.

- Поэтому, когда твой муж тебя обнимает, у него такое чувство, будто ласкает труп.

- Ты ведь красивая женщина. А на тебя такой приворот навели, что, кому ни улыбнёшься, никто навстречу не потянется.

- Приворожена эта женщина, – многозначительно поднял руку молла. – А ну, сядь сюда!

Он пристально взгляделся в фотографию мужчины. Потом принялся бормотать. Время от времени брал левой рукой свою безжизненную правую руку и проводил ею вверх и вниз по изображению.

- А теперь взбирайся на этот стол и ложись, – велел ей молла.

Женщина побелела как стена.

- Что вы испугались так, уважаемая? Разве я позволю себе какую-нибудь непристойность?

Я должен произнести заклинание.

«Так мне и надо, за всё так и надо, и что меня сюда привело?», – думала женщина. И всё же, как замороженная, покорно исполнила волю моллы.

Молла уложил свою почерневшую руку ей на грудь.

Женщину всю затрясло от отвращения.

- Вот уже год, как твой муж не ложится с тобой, – сказал молла, глядя ей в глаза немигающим взглядом.

Женщина вспыхнула.

Молла приступил к заклинанию. Бубнил что-то, не разобрать – на каком языке и время от времени дотрагивался до её сосков левой рукой.

Когда же рука эта поплыла ниже, женщину провало гневом.

- Если не дашь мне закончить заклинание, останешься одна на всю жизнь! – сверкнул молла золотыми зубами.

Одиночество.

Не было для неё слова ненавистнее. Она страшилась одиночества больше слепоты, больше помешательства, больше смерти...

И тогда женщина погрузилась в безмолвие. И не шевельнулась до окончания заклинания. Омерзение и страх сковали её. Молла провёл ладонью по её груди ещё раз или два по её – кровь с молоком – груди и объявил, что закончил своё заклинание.

Потом он срезал маленькими ножницами прядь её волос и сжёг. Сказал: «Ты свободна, через сорок дней муж явится к тебе послушным, как ягнёнок».

Женщина положила фото на стол и стремительно покинула молельню.

На тахте, развалившись в своё удовольствие, пялились в экран видео дети моллы.

За дверями моллу дожидались двое – паренёк лет двадцати и мужчина не младше пятидесяти, очевидно, отец и сын, на диво друг на друга похожие.

Женщина села в такси и расхохоталась.

«Если б молла позволил себе больше, и того я заслужила. Ну каким бесом погнало меня в эту глухомань? Счастье, что Муса-молла заклинал-то заклинал, но и совесть не терял».

Шофёр удивлённо посматривал в зеркальце на пассажирку, заливавшуюся звонким смехом.

И теперь она улыбалась. Отведя взгляд от зеркала, снова посмотрела на девушку.

- Что же мне делать, чем её лечить? Может, тряпку в уксусе вымочить – и на лоб, она же вся горит».

Заметила на подоконнике несколько бутылок. Все пусты. Рядом – маленький шкафчик. Открыла. Какой там уксус – и куска хлеба не нашлось.

«И сколько же дней она так страдает? Уж больше часа, как я позвонила, а «Скорой» и в помине нет. Наверно, опять без горячего сидят. Хоть из человека душа вон – всем до лампочки.

«Соломой перекрыта» - говорят же так о безнадзорной и облыжной стране. А у нашей страны и соломы нет – крышу настелить.

Ну вот, ударились в философию, а чем этой горемыке помочь?».

Сердце у врача билось, как бешеное. Нелегко, наверное, было ему подняться на этот чердак. И не подняться даже, а вскарабкаться.

Врач – низенький толстяк, глаза – омертвелые, с жёлтым отливом. Фельдшерица – долговязая до смешного, с массивным крючковатым носом.

Оба заглянули в комнату с таким недовольным видом, будто девушка у них в долгах и не возвращает.

- Что с ней? – спросил врач.

Женщина пожала плечами.

- Знаете, я случайно пришла и застала такую вот картину.

- Вы соседка? – чуть смягчившись, спросил врач.

- Да... То есть нет, - женщина терялась в ответах.

Врач осмотрел больную.

- В больницу её везти нет необходимости. Страшного ничего нет, просто воспаление лёгких. Невнимательна к себе девушка. А так, лучше дома её лечить. Знаете, как сейчас холодно у нас в больницах. И лекарств нет. Сообщите близким.

Врач словно бы выстреливал слова - очередями. Говорил – как вместе со словами Богу душу отдавал.

«Должно быть, сердечник», - подумала женщина.

Врач поводил взглядом по комнате.

- Простите, у вас ваты нет? – обратился он к женщине.

Она вновь повела плечами, потом рассердилась на себя – чего это я, как гимназистка, смущаюсь, что они подумают.

На столе лежал рецепт и склянка с настойкой.

Женщина открыла сумочку. Вложила врачу купюру в карман белого халата.

Благодарности от уходящих не последовало.

Она стояла оторопело, не зная, что делать дальше.

«Хоть бы муж мой здесь появился. Что за командировка у него вдруг высветилась? Есть ли у этой несчастной родственники? Что мне делать? Вот ведь только этой заботы не хватало. Судьба надо мной насмехается, что ли?».

Точно сердце моё, сожжён проспект Руставели. Сердце сердца Тбилиси. Слово сердце моё, множатся тяжестью хлебные очереди возле булочных. Будто сердце моё, стонет охваченный страхом, обнищавший, обесчещенный проспект.

Третий день как хожу я на Алевскую. И что меня туда влечёт, какая сила притягивает к этому дому? Сострадание? Долг? А может, одиночество и пустота?

И кто для меня эта девушка? Соперница? Падчерица? Дочь?

Сказано ведь в Писании: «Всякое древо, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь». Может, за моё бесплодие послан мне судьбой огонь? Может, за моё бесплодие отсек меня, принёс в жертву муж? Как мы любили друг друга двадцать лет назад... Или надо смириться с мыслью, что под луною ничто не вечно, и сколько женщин ходят рядом, так и не познавших радости любви, лишённых семейного тепла, ласки...

Может, мой долг – беречь тепло прошлого пламени?

Он теперь лежит себе, наверно, в постели и любит в окошко не слишком дивным видом – крышами да мёрзнувшими на них котами. Вот и всё великолепие расстилающегося мира.

Кто эта девушка, похожая на воробушка? Крохотного, сложившего крылышки, беспомощного воробушка... И эта серая ночная рубашка на ней тоже напоминает крылышки... А глаза у неё красивые – большие, бархатные, печальные, не очи, а молитва.

Да, и вправду в небесах отлиты эти слова – очи, как молитва. Таинственные и непорочные... Непорочные?! Что, действительно непорочна эта женщина с ноготок?».

- Как я вас потревожила, сколько хлопот доставила, тётя Нуну. – Какая вы хорошая и милосердная. Не знаю, каким добром смогу я вам отплатить... Как только наберусь сил, окружу вас вниманием и заботой... Какую соседку Бог послал мне в своей милости...

«С чего она взяла, что я тут квартирую? И как люди живут в этом убогом доме?»

Вчера температура у неё упала, ну, теперь куда ни шло обстоят дела, получше ей, долг свой я исполнила, пора и матери сообщить, пусть дальше сама её выхаживает...».

- У меня мамы нет, и отца тоже. Может, и живы они, да я ни разу родителей не видела. Три годика мне было, когда в детский дом меня сдали, в Сурами.

- А когда ты бредила, маму звала, - сказала я и тут же об этом пожалела.

- Я всегда звала маму в трудную минуту, когда воспитательница в угол меня ставила или старшие дети то фрукты, то конфеты у меня отнимали, хотя маму и не видела, но вернее, не помнила – видела или нет. Представляла... Мысленно всегда с ней беседовала – и в радости, и в горе. Всё ей рассказывала. И старалась по глазам прочитать – что она скажет. И всегда верила, что когда мама вернётся, никто не посмеет на меня кричать, притеснять и наказывать.

А когда уж совсем неумоготу становилось, когда уже и ноги подкашивались (и говорить сил не было), тогда-то я и задумывалась о самоубийстве.

Представляла, как узнает о моей смерти далёкая мама, как будет причитать и царапать лицо, и просить прощения у моего остывшего тела, и тогда я вся выпрямлялась в плечах, в предвкушении сладкой мести.

Бывало, и плакала мысленно вместе с мамой, она – горя о моей смерти, а я задыхалась от её слёз. Я плакала, плакала до изнеможения, пока всё лицо не распухло. А она всё не появлялась, до тех пор, пока желание видеть её и вовсе не пропало.

Со временем я стала представлять, как мама придёт ко мне, вся съёжившись от стыда, просить прощения, а я в ответ ни слова, стою – заартачилась.

И ненавидела я, и любила эту женщину, и была она для меня самой красивой и самой далёкой, самой доброй и самой жестокой, самой беспомощной и самой сильной.

И я сама выдумывала, выдумывала причины, для оправдания её поступка. Но в конце концов решила, что только смерть может извинить женщину, бросившую родное дитя – и пришло успокоение.

Теперь я думаю о матери как об умершей, и жить стало легче, чем в те дни, когда я ждала её появления на пороге.

Когда Ия ела суп, беспрестанно выискивала чешуйки тушёного лука и откладывала их, стесняясь.

- Я с детства не люблю лук в обедах. И вообще, у меня много вредных свойств и привычек, за что меня и наказывали, наверно, так часто.

Неуступчивая была я, просто коза упрямая.

«Извинись сейчас же!» – говорили мне. А я в ответ: «Извинитесь-уступитесь» – дразнюсь.

Сама с напёрсток, а сколько дерзости – «извинитесь-уступитесь, извинитесь-уступитесь» – с ума сводила своих воспитательниц.

Однажды, в седьмом классе была я, кажется, мы с девочками-ровесницами стащили у сторожа «Приму» и втихаря покурили в лесу.

Знаете, наверное, какой в Сурами прекрасный ельник.

Была у нас в детдоме девочка помладше, Нанули, ябеда, каких поискать. Она нас застукала и воспитательнице тут же всё выложила.

Врагам моим такого дня, какой для нас настал. За косы нас извозила «Сочика». Сочикой мы прозвали директрису, уж не знаю, кто первым её такой кличкой наградил. Сочика – искажённое от «счётчик», потому что она была круглосуточно «включена», как этот прибор. И всё запоминала в деталях, с удивительной точностью. Мы, семиклассницы, уже не девочки, а почти девицы, наряжаться прирастились.

А младшеклассниц обривали к лету налысо, чтобы вши не завелись. Но то младшеклассниц, а к нам посмел бы кто близко подойти, самих бы обрили.

И вот Сочика в наказание всех троих обрила наголо. Я так горевала, что хотела руки на себя наложить; смешно, правда? Так часто я умирала мысленно, что, кажется, явись смерть и наяву, ничего от меня не убудет. Горя жаждой мести, на другую ночь вылила я пузырёк чернил на новое белое платье сочиковой дочери. Кто ж такое простит? Тою же ночью заперла меня директриса в свинарнике.

Свиней я ужасно боюсь. Та ночь была, наверное, тяжелее, чем сновидения в горячечном бреду.

Поначалу я виду не показывала, сидела в углу свиного закута, как немая, и только пальцы кусала. Потом, с первым рассветным бликом, страх всё усиливался. Я хорошо насвистываю. Когда детский дом посещали почётные гости, кто-то из наших пел, кто-то стихи декламировал, выпускали детей на сцену, как марионеток, и те изощрялись перед гостями, кто на что горазд.

А я насвистывала – то соловью подражая, то дрозду, и директриса меня всегда нахваливала.

А в ту проклятую ночь, трясясь от страха и надеясь умаслить сердце директрисы, я всю ночь разливалась на тысячу ладов.

И сейчас подступает тошнота к горлу, когда вспоминаю – как певчая птица о прутья клетки, билась я о стены этого свинарника.

- А потом лишилась чувств, - сказала Ия и поправила подушку.

А я вспомнила, как, войдя в эту комнату в первый раз, услышала её мольбы: «Не оставляйте меня в свинарнике!», как лежала она, охваченная жаром и обессиленная, и на сердце у меня становилось всё тяжелее.

В дверях показалась тётя Кнарлик. Она не вошла – ввалилась, отчего в и без того

малюсенькой комнатке воздуху совсем не осталось места.

- Ва, кукла-джан, да на тебе лица нет!

- Воспаление лёгких у меня, - сказала Ия. - Теперь-то полегчало. Если б не ваша новая жилища, наверное, быть душе моей на небе.

Ия присела на кровати.

- Если б не кто? - переспросила Кнарник.

- Тётя Нуну, новая соседка.

- У тебя что, опять температура? - рассмеялась Кнарник, - ремонт я в смежной комнате делаю. А постояльцев с августа начну принимать. К тебе, хох-вах, не воры ли часом заживали? Знаешь ведь, лихие времена, ну-ка, проверь, всё ли на месте?

- Да вора сюда калачом не заманишь. Что у меня красть? И носа сюда вор не сунет, тётя Кнарник.

- Хох, а кто бы это был, а-а? - диву далась Кнарник.

- Да может, мне в горячке это привиделось? - слукавила Ия.

Кнарник Хандамян была непоседливой хозяйкой, вечно в хлопотах-суете. Ия, глядя на неё, всегда представляла выкипающее молоко, вспенившееся, не умеющаяющаяся в кастрюльке, пышное и жирное.

- И долго ты теперь собираешься вылёживать? - спросила Кнарник на прощание. - Когда собираешься за квартиру платить, и так я у тебя гроши беру, знаешь ведь, за тыщу-то рублей теперь и собачьей будки не сыщешь...

- Ещё немного повремените, тётя Кнарник, три месяца ведь зарплату не давали...

- Зарплату, зарплату... Зачем тебе, душенька, джинсы протирать в этом дурацком заведении? Будь у меня твои золотые руки, разве сидела бы я в ожидании копеечных подачек? Умела бы я так вязать-вышивать, да я бы деньгами давилась, - провела рукой по горлу Кнарник - и покатила к выходу, вновь заполонив собой всё комнатное пространство.

Шитьё, вязанье и вышивку Ия ненавидела пуще всех невзгод.

Её рукоделие нахваливали с детства. Там, в приюте, все - и воспитанники, и взрослые, без конца приставали: «Ия, вышей, ну-у, медвежат на рубашке»... «Ия, я нитки достала, свяжи мне свитер...». «Ия, платье распоролось...». Ия, Ия, Ия... А Ия, оставаясь одна, на чистых льняных лоскутах вышивала лицо матери... Сначала выводила глаза. У мамы всегда были большие глаза, как у самой Ии. Потом наставлял черёд губ и овала лица. В левом углу - всегда солнышко, а в ногах мамы охорашивались фиалки.

- Кто эта женщина? - спрашивали у неё.

- Фея из сказки, - отвечала Ия, диву даваясь - как это им невдомёк, что это - моя мама!

Ия назвали грузинским именем, а по фамилии она была записана Николаевой.

В дни школьных выпускных воспитательница ей объяснила, что это - не настоящая фамилия, что когда Ию принесли в детдом, здесь уже были и осетинские дети, и армянские, и езиды, а вот русских не было.

Тогда-то и решили для «интернационализации» группы дать ей фамилию по имени отца, согласно записи в свидетельстве о рождении.

Так и вступила она в жизнь, без фамилии, с отчеством вместо неё.

«Тётя Нуну! Кем была эта женщина?!» - Ия разволновалась, и вдруг её молнией поразила мысль, заставив задрожать с головы до пят.

«Может быть... Нет... Это непредставимо... А кто же тогда? Мне же не приснилось... Мама! Это моя мама! Конечно, именно так. Почему я раньше не догадалась?! Мама, это моя мама!!!».

Она хотела засмеяться - ничего не вышло. Заплакать - ни слезинки не проронила.

«Мама, моя мама!!!».

Хотела привстать - не хватило сил.

Уткнула голову в подушку - ни сна, ни отдыха.

«Моя, моя мама!

Мама... Мама... Мама...

Но если это мама, зачем же она скрывала? Может, устыдилась... .. Да, может, устыдилась... Я же сказала - уже не хочу её видеть. Когда же она ещё придёт?».

Она вспомнила вчерашний разговор, вся вспыхнула. «И какой меня бес попутал, что я там нагородила... Может, ей стыдно, что родила такую дочь? Может, вообще не хочет меня видеть?».

Она легла, уткнувшись лицом в подушку, слово в слово вспомнила вчерашний разговор, по зёрнышку разложила, собрала воедино и залилась краской стыда.

Показала своё рукоделие гостье, нет, тётке Нуну, нет, маме, той, кто здесь... Доброй госпоже, одним словом.

- Это моя подруга, Нинка, мы вместе учились в профтехучилище.

- Это я и Вахо, мы вместе росли в детдоме - она рассказывала, чьи портреты вышила. Женщина вперила взор на портрет человека не первой молодости.

- Это... Я люблю его, - выпалила Ия, и вдруг ей нестерпимо захотелось разоткровенничаться, душу распахнуть. Или просто истосковалась по Бесо, и разговор о нём был для неё как глоток воды в пустыне.

Уже три года, как мы с Бесо любим друг друга.

Ия поправила подушку и прилегла, чтобы рассказ получился живописнее.

- Я познакомилась с ним тем самым злосчастным девятым апреля 1989 года. В тот день меня во плоти просто не существовало, я вся обратилась в зрение и слух, и как сейчас видится белое, как полотно, лицо Блаженнейшего Патриарха. И другая картина - коленопреклонённый в молитве мой народ, в глазах людей - вера и растерянность...

Крики... Крики... Крики...

И сейчас в ушах звучат их голоса.

Я растеряла в давке всех знакомых. Спряталась, как зайчонок, под каким-то кустом и закрыла лицо руками. Слышались стоны, кто-то кого-то звал, лязгали гусеницы танков, доносился издали какой-то странный рокот, будто били-громыхали в барабаны, бух-бух-бух. Кто-то схватил меня, почти силой вырвал из-под куста. Я за ним не шла, а летела, будто во сне, существуя и не существуя одновременно. И мир вокруг был тёмно-серым, как неприятный сон.

Потом я уткнулась в грудь этому незнакомцу, трясась от рыданий. Не помню его лица, его глаз, только руки, обвивавшие меня... его красивые пальцы. Он гладил меня по волосам, успокаивал, чуть ли не баюкал, и я сама не помню, как поцеловала его в руку. Он смутился.

В тот день привела я Бесо в эту нору. И так я, видишь, росточком не вышла, а от страха и вовсе в комочек съёжилась. Умоляла: «Не бросай! Не уходи!»; потом вспомнила, что в шкафчике у меня припрятан коньяк. Пила, и постепенно, мир вокруг словно бы оттаивал.

- И как такую смугленькую умудрились Ией - фиалочкой-белоснежкой назвать? А ты и вправду на цветочек дрожащий была похожа, прячась под кустом...

Я уже без памяти влюбилась в него, моего спасителя, длиннопалого, рослого...

- Тётя Нуну. Я знаю, вы сочтёте меня вертеницей, но уже три года я встречаюсь с Бесо и ни разу не раскаялась, что в первую же ночь, едва познакомившись, стала принадлежать ему. Когда я с ним, в душе такое чувство, будто я нежусь под солнцем, и вся наполняюсь его лучами.

- А у него? - спросила женщина.

- И у него, да, и он помешан на любви ко мне, и родились мы в один день, 23 июня, под знаком Рака, и оба мы по году рождения Обезьяны, он на двадцать четыре года меня старше, словом, мы рождены друг для друга.

- Если вы так друг другу подходите, что ж не поженитесь? - у женщины лицо почему-то вытянулось.

- Эх, тётя Нуну, да кто ж познал счастье сполна? Женат он.

- А с чего ты уверилась, что он на любви к тебе помешан? Может, жену свою любит больше?

- Да что ты, он уже три года дни рождения со мной встречает, если бы он вправду любил свою жену, разве хоть раз не отметил бы с ней свой праздник? - улыбнулась Ия и прижала к груди вышивку с изображением Бесо.

- И где же теперь твой боготворимый рыцарь? - в тоне женщины вдруг зазвучали сердитые нотки.

- Он воюет! – выдохнула девушка. – Знаете ведь, в какой беде сейчас грузины... Бесо – истинный герой. Вот самый настоящий, о которых я в книгах читала. Эх, родись у нас с Бесо ребёнок, тогда бы и вправду ушёл он жены своей бессердечной.

- Ты-то откуда знаешь, что она бессердечная? Ты видела её?

- Нет, но Бесо говорит, что целый день она только и занята что уборкой да стиркой, даже по комнате ходить остерегается, прямо за мной, говорит, следы веником заметает. Всё как в легенде хварамской, только наоборот. А я ту легенду в явь превратила. Помнишь: «Жила в старину в одном горном селении красивая и гордая девушка. Полюбился ей парень, да вот беда – не смотрел он а её сторону. А девушка ничем своих чувств не выдавала – честь и доброе имя берегла.

Когда же ушёл парень из их селения в большую жизнь, на поиски счастливой доли, девушка украсила его следы цветами. И осталась в преданьях народных символом несбывшейся любви».

А как однажды он явился ко мне в перепачканной обуви, следы оставил на полу, как отпечатки лап динозавра?

Ночь минула; утром я, пока он не проснулся, украдкой выскользнула из дому, купила букет и разузорила его следы.

Бесо проснулся, поначалу уставился оторопело на рассыпанные по полу ромашки, а потом как расхохочется: «Вот, ни в чём не везёт, – одна меня душит своими бесконечными протираньями – сдуваниями – подметаниями, а другая – пачкунья, грязь ромашками узорит.

- Нет, ну в самом деле, где же до сих пор Нуно? - Ия поднялась, подошла к дверям, но, почувствовав головокружение, вернулась и села на край кровати.

«Она не придёт. Наверно, мечтала о хорошей, благовоспитанной дочери. А я... А я – верный паценок чужого мужа, и ничего боле. Не придёт и не надо! А что она думала?! До двадцати годков дожидая так, что никто и взглядом не окинул, и не страдал никто по мне, тем паче, а я – я должна была вырасти ангелочком с крылышками пририсованными?! Да я и такой, как есть, себе удивляюсь, хорошо ещё, что весь мир не возненавидела. И пусть не приходит, и пусть не приходит, и пусть не приходит...

Зачем нужна мне теперь мать, и на порог не пущу.

Ия повернула ключ в замке.

Не выдержала, снова открыла.

Прилегла, повернулась спиной к дверям.

Услышала звук шагов.

С головой укуталась одеялом.

- Как ты, Ия? – донёсся до неё тёплый, ласковый голос. – Ия, Ия, тебе не плохо? Что с тобой?

Женщина высыпала на стол яблоки.

Неведомая сила лишила Ию дара речи. Она лежала как громом поражённая и смотрела на вошедшую холодными глазами.

«Может, муж мой к ней вернулся? – закралось сомнение. – Что с ней творится, уж не узнала ли, кто я такая есть?

А вообще-то, так мне и надо. Чего я сюда таскаюсь, нашла себе тоже компанию. Всегда была чокнутой, потому и глумится надо мной судьба – к горлу женщины подкатил комок ярости, лицо её побагровело, – так мне и надо, за всё, за всё, за всё».

- Я знаю, кто вы!!! – выпалила Ия. – Большое спасибо за спасение, но вы давно уж принесли меня в жертву.

- Я тебя обрекла, или ты, сучка, ты! Да я тебя своими руками задушить должна! – уже криком кричала женщина.

- А как ты думала?! - Ия тоже возвысила голос. - Двадцать лет как бросила меня, а сейчас решила радости материнства познать? Ты сама-то кто такая будешь? Была бы ты порядочной женщиной, так оставила бы меня вот так вот, без призора? Никогда ты не была моей матерью, моя мать умерла!

- Какая мать, что за мать, я жена Бесо!

Женщина, как подкошенная, рухнула на тахту - жена Бесо!

Ия сначала не поняла, о чём речь. Потом медленно перевела взгляд на гостью... и вдруг вся залилась смехом. Её хохот сотрясал стены, дрожали лампочки на потолке, дрожало зеркало; раскаты смеха бились по углам комнатушки, заполняя всё пространство. Взрывы хохота словно бы полосовали её, приминая, пригибая книзу.

- Ну что, мамочка? И твоя-то матушка, небось, такой же бесстыдницей была, и она мечтала увести мужа от какой-нибудь достойной женщины, вот и произвела тебя на свет. Бесо, Бесо, Бесо, - рыцарь, герой! Герой! Какой он герой, трусишка зайка серенький - вот кто твой Бесо. Не на войну он отправился, а на винный завод с ревизией.

Был бы он человеком, разве держал бы тебя в этой конуре? Все дни рождения вместе встречали... Ха! Ха! Ха! - теперь уже хохотала не Ия, а Нуну. - Бесо не двадцать третьего июня родился, а двадцатого октября. И каждый год заставлял меня накрывать стол на двадцать человек.

Ты здесь концы отдаёшь, а он где-нибудь в это время застолье возглавляет, плоскими тостами Отечество славословит - как блины печёт.

Женщина шла по улице. Не шла, а бежала. Сейчас, сквозь пелену слёз, ещё окаяннее выглядел город, с выжженным сердцем, подёрнутыми смертной мглой очами... И проспект был похож на неё саму - обзолённый, принесённый в жертву, изрешечённый братоубийственной стрельбой.

Два дня не смыкала глаз. Всё мерещилась Ия, онемевшая, убитая горем, обманутая.

- Ты хочешь сказать, что счастлива теперь? - в тысячный раз, наверное, спрашивала Нуну у самой себя. - Ты ведь расплатилась с ней сполна, захлебнуться горьким смехом заставила и ушла - пусть исходит теперь лютой ненавистью... .

Но в конце концов, она поняла, что жизнь без Ии ей в тягость. И на третий день ноги сами привели её на Алевскую.

Чердак был заколочен. В дверях она заметила небольшой лоскут, развернула его. На ткани была вышита записка:

«Уважаемая Нуну, извини, если сможешь. Вы добры и мягкосердечны, как родная мать. Я больше никогда не увижусь с Бесо. Я навсегда уезжаю из этого города. Прощайте».

А в середине лоскута было вышито лицо Нуну. В верхнем углу - солнышко. А внизу... цветы.

Перевод с грузинского Владимира Саришвили.

[Маквала ГОНАШВИЛИ \(Грузия\)](#) - 30 апреля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/04/vorobusek-v-svinarnike>